

*А. Ф. Макарова**

АРИСТОКРАТИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ НИКОЛАЯ БЕРДЯЕВА

В статье рассматриваются аристократические концепции Н. А. Бердяева, выясняется их непротиворечивость социалистическим симпатиям философа, что позволяет назвать его послереволюционную социально-философскую позицию аристократическим социализмом. Бердяев рассматривает категории аристократии и противопоставляемой ей буржуазности, а также социализма в двух измерениях — социальном и духовном, что позволяет совместить, казалось бы, взаимоисключающие понятия, разведя их на разные уровни. В статье подробно описаны сущностные характеристики и атрибуты аристократа — как родового («социального»), так и истинного («духовного»), рассмотрена категория христианского социализма и возможность применения этого именованного к Бердяеву; основными источниками для данной статьи являются дореволюционные публицистические статьи Бердяева, книга «Философия неравенства», более поздний текст «Христианство и классовая борьба» (1931).

Ключевые слова: аристократия, демократия, аристократический социализм, христианский социализм.

A. F. Makarova

ARISTOCRATIC SOCIALISM OF NIKOLAI BERDYAEV

The article deals with the aristocratic concepts of Nikolai Berdyaev, their consistency with the socialist sympathies of the philosopher, which allows us to qualify his post-revolutionary socio-philosophical position as «aristocratic socialism». Berdyaev examines the categories of aristocracy and the bourgeoisie as its opposition, as well as socialism in two dimensions — social and spiritual, which makes it possible to combine two concepts that seems to be mutually exclusive, and to separate them into different levels of existence. The article describes in detail the essential characteristics and attributes of an aristocrat — both generic («social») and true («spiritual»), considers the category of «Christian socialism» and the possibility of applying

* Макарова Анна Фёдоровна, младший научный сотрудник, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, философский факультет; anna.fed.mak@gmail.com

this naming to Berdyaev; the main sources for this article are Berdyaev's post-revolutionary articles, the book «The Philosophy of Inequality», the later text «Christianity and the Class Struggle» (1931).

Keywords: aristocracy, democracy, aristocratic socialism, Christian socialism.

Социально-философскую позицию Н. А. Бердяева сложно встроить в какую-либо категорию, не подвергнув значительной редукции. Интерес к «партийной» идентичности мыслителя, к идейному лагерю, к которому он принадлежал, и в публичном, и в исследовательском дискурсе нередко превосходит внимание к индивидуальным философским взглядам, к собственному пути. Попытки «присвоения» мыслителей какими-либо политическими или конфессиональными общностями случаются и при их жизни, и после смерти: так, по-прежнему ведутся споры, к какому крылу отнести Владимира Соловьёва, Василия Розанова или Льва Шестова. Николая Бердяева принято называть прошедшим путь «от марксизма к идеализму» — однако отметим, что и в марксистский период он размышлял с идеалистических позиций, а во всем последующем творчестве отнюдь не отрекался от признания гениальности Маркса. Одни называли Бердяева социалистом, левым, красным, другие — буржуазным мыслителем, «попутчиком» («попутчиками» с 1920-х гг. называли «буржуазных», непролетарских писателей, деятелей «старой школы», не вступающих в открытое противостояние с «пролетлитературой», но и не объединяющихся с ней, чуждых ей). Категоричность и тех, и других оценок представляет особый исследовательский интерес; в данной статье мы предложим и обоснуем вариант парадоксального описания убеждений философа, разворачивающихся в послереволюционных работах, — аристократический социализм. Предлагая такое обозначение, нам не хотелось бы вновь изобретать ярлык и отныне настаивать на именовании Бердяева «аристократическим социалистом»; напротив, противоречивость и провокационность предложенного определения указывают на динамичность и неоднозначность мысли философа, на ее надполитичность и несводимость к какой-либо политически оформленной идее.

«Аристократический социализм» — сочетание на первый взгляд противоположных категорий, особенно если рассматривать исторические формы этих двух принципов: аристократия — родовая знать, проявление сословного принципа, привилегия по праву рождения и наследования; социализм — претензия на социальную справедливость на основе уравнительного распределения, приоритет коллективного над личным, экспроприация крупных собственников (каковыми часто и были члены аристократических фамилий); таким образом, казалось бы, аристократический принцип противоречит принципу социалистическому — хотя и не выступает строгой «бинарной оппозицией». В истории русской мысли аристократии чаще противопоставляли демократию, а выходом из противостояния двух принципов предлагали различные их сочетания — так, например, в евразийском проекте Н. Н. Алексеев выдвигал демотию как «органическую демократию», а Я. Д. Садовский писал: «Аристократ приемлем тогда, когда он обладает душой демократа, а демократ, когда у него душа аристократа» [14, с. 390]. Демократические процедуры отнюдь не все считали благом — например, всеобщее избирательное право, столь

распространенное сегодня, не одобрялось «аристократически» мыслящими деятелями, к которым, безусловно, можно причислить и Бердяева (основные идеи Бердяева о сущности демократии, преимущественно в форме обличения, см. в главе «О демократии» книги «Философия неравенства» [7]). Точнее будет сказать, что Бердяев не признавал возможности верховенства демократического принципа, считал его подчиненным и инструментальным:

В сущности, демократию нельзя даже противопоставлять аристократии. Это понятия несоизмеримые, совершенно разнокачественные. <...> Демократия легко превращается в формальное орудие организации интересов. Искание лучших подменяется исканием более соответствующих интересам, лучше их обслуживающих. Демократия сама по себе не имеет внутреннего, онтологического содержания, и потому обслуживать она может цели самые противоположные [7, с. 103].

Демократия может способствовать упрочению аристократии, предлагая процедуру отбора лучших, осуществляя меритократический принцип. Аристократический же принцип Бердяев считает онтологическим и органическим, «единственной достойной человека утопией». Бердяев неоднократно призывает осознать, что правит всегда меньшинство, разница лишь в том, состоит оно из лучших (аристократия) или из худших (олигархия или «какистократия» с элементами меритоцида; оба термина новы по сравнению с аристотелевскими, однако представляются нам релевантными). Бердяев писал о дилемме «аристократия/охлократия», подразумевая под последней власть худших; эта терминологическая неточность, впрочем, не отрицает основного тезиса о неизбежности власти меньшинства.

Итак, Бердяев называет утопией осуществление аристократического принципа — таким образом, выводит свои размышления из поля политической экспертизы в поле этического и онтологического нормативизма. Всё сказанное Бердяевым об аристократии следует рассматривать в следующей оптике: понимая невозможность полного осуществления аристократического принципа в историческом государстве и обществе, философ считает этот принцип истинным, живым и имеющим онтологическое основание, наиболее благоприятствующим развитию человека и человечества, оформленного в нации и государства; Бердяев описывает идеал, но элементы этого идеала могут и должны быть культивируемы в социальной практике.

«Я сознаю себя мыслителем аристократическим, признавшим правду социализма. Меня даже называли выразителем аристократизма социализма», — пишет Бердяев в «Самопознании», указывая на специфику своих социалистических убеждений. Эта специфика, по мнению Бердяева, состоит в признании ценности аристократии, личных качеств, иерархии качеств, тоску по которым философ особенно остро испытал в послереволюционный период. Аристократическая тема возникает в сознании Бердяева прежде всего в связи со знатностью его происхождения, с его аристократичностью «по крови»: отец Н. А. Бердяева, офицер-кавалергард Александр Михайлович Бердяев (1837–1916) — киевский уездный предводитель дворянства, председатель правления Киевского земельного банка. Мать Алина Сергеевна, урожденная княжна Кудашева, была внучкой графини Виктории Потоцкой и графа Антония

Людвиг Октавия Шуазель-Гуфье, кузиной графини М. Е. Браницкой, дальней родственницы царской семьи Романовых, а также кузиной О. В. Лопухиной-Демидовой (ее муж был крестным отцом Н. А. Бердяева, по свидетельству философа).

По своему происхождению я принадлежу к миру аристократическому. <...> Родители мои имели большие аристократические связи, особенно в первую половину жизни. Эти связи были частью родственные, частью по службе моего отца в кавалергардском полку [6, с. 15].

Врожденный аристократический элемент, по собственному признанию Бердяева, не был преодолен или исключен из структуры его личности, несмотря на осознанное стремление порвать с привилегированным, аристократическим миром для более органичного вхождения в среду социал-демократов и революционеров начала XX в. Попытка преодоления психологии высшего сословия, отторжение среды «господ» привели Бердяева к необходимости артикулировать различие истинной и ложной элиты, настоящего и мнимого аристократизма. Выяснению сущности аристократии в той или иной степени посвящены статьи «О гражданстве», «Падение священного русского царства», «Религиозные основы большевизма», «Демократия и иерархия», «О творческом историзме», «Власть и психология интеллигенции», «Духовные основы русского народа», глава «Об аристократии» книги «Философия неравенства», а также работа «Христианство и классовая борьба», написанная в эмиграции (в 1931 г.), но наследующая основные бердяевские идеи советского периода. Отметим, что в связи с обнаруженными в текстах позднейших переизданий «Философии неравенства» (особенно после 2012 г.) расхождений с текстом рукописи, хранящейся в Российском государственном архиве литературы и искусства, в работе использовалось издание 1923 г., также содержащее некоторые расхождения, но наиболее точно воспроизводящее рукопись.

«Я принадлежу к «кающимся дворянам», — писал Бердяев, — хотя одно время усиленно боролся против такой душевной формации. Отец мой потом смеялся над моим социализмом и говорил, что я барин-сибарит более, чем он» [6, с. 30]. Когда мы читаем воспоминания современников о Бердяеве, особенно в послереволюционный, советский период, действительно складывается впечатление, что философ — барин, по случайности оказавшийся в ином времени и вынужденный приспособливаться к простоте и аскетике раннесоветского быта: «Бердяев спорил об имманентностях, горячился из-за пайков, был элегантен и картинен», а летом надевал «нарядный чечунчиков костюм с галстуком-бантом» [11, с. 127–128], когда работал в Книжной лавке писателей. М. А. Осоргин иронично писал о работе в той же Лавке:

Все качества деловой неосведомлённости и купеческой бесталанности соединял в себе Борис Зайцев, ведавший отделом беллетристики; конкуренцию ему в этом отношении составлял Н. Бердяев, очень серьезно относившийся к делу, но ни разу не завязавший верёвкой пакета правильно [13, с. 131–132].

Воспоминание М. В. Сабашниковой-Волошиной о ее работе «в конторе» в первые годы советской власти добавляет штрих к портрету философа:

В помещении же конторы сидел философ Николай Бердяев в меховой шубе и боярской шапке, согреваясь стаканом кипятка. Посмотрев на мою работу, он сказал: «Завидую Вам, что Вы можете так «продуктивно» работать. А я до сих пор не знаю, зачем я здесь сижу» [10, с. 274].

Эти и другие воспоминания, иногда иронично-комичные, создают обманчивое впечатление легкости адаптации Бердяева и его окружения к новой стране, к новым жестоким правилам; при всех «дворянских» привычках, Бердяев словно не придавал им особого значения, с почти детской непосредственностью приспосабливался к новым обстоятельствам. Тем не менее философ глубоко переживал хамство новой власти, а кажущиеся легкость и веселость в повседневной жизни, игра по правилам Советской России были временной защитной реакцией, краткой волной созидательного сопротивления, возможной лишь в кругу «своих», «старой интеллигенции», расправы над которой быстро позволили понять, что «попутчикам» в этой стране предстоит тяжелая жизнь или скорая смерть.

Основная интуиция Бердяева об аристократии — несовпадение «аристократии крови» и «аристократии духа», причем последняя является истинной и важнейшей для построения чаемого будущего общества. «Духовная аристократия», «аристократия духа» — ключевое понятие в учении Бердяева об аристократии, и необходимо выделить ее основные черты и характеристики, проявление которых философ считает признаками принадлежности к истинной аристократии. Во-первых, прирожденность: аристократом можно только родиться, его черты — даровые, не приобретенные; во-вторых, щедрость и жертвенность — аристократ уделяет от избытка (вовсе не только материального); в-третьих, благородство, сознание своего достоинства, свобода от психологии обиды, которую Бердяев многократно называет рабской; наконец, сыновство, связь с отцами, укорененность и память — а порывание с собственной почвой и корнями, мстительное забвение и отречение — признаки *parvenu* (парвеню — человек незнатного происхождения, стремящийся в аристократическую среду и подражающий аристократам в своем поведении, перенимающий внешние манеры и повадки, часто завидующий настоящим наследникам аристократических родов), противоположности аристократа. Сыновство — не родовая характеристика, а мистическое богосыновство, причастность Божескому естеству, которую может постигнуть любой человек, независимо от происхождения (так, и чернорабочий может быть аристократичен) — так же, как и психология раба, пролетарская психология может быть присуща социальным «верхам». Социализм же, в своем идейном «вульгарном» пределе, культивирует «чувство подпольной обиды восставшего раба» и отрицает богосыновство человека.

Если причастность к аристократическому роду, как правило, очевидна, то вопрос принадлежности к истинной (естественной, духовной) аристократии решается отнюдь не линейно. Бердяев также вводит новую классификацию, противопоставляя «экзотерическую» и «эзотерическую» аристократии (проявленную в истории и глубинную, скрытую); конечно, явление эзотерической, сокровенной, высшей духовной аристократии волнует философа гораздо больше, ее он называет «царством святости, гениальности и рыцарства, царством

великих и благородных, высшей человеческой расой» [7, с. 116]. Судьбы же экзотерической аристократии входят в исторический план, в государственное и культурное бытие и могут быть направляемы — культивированием подбора и преемственности лучших качеств, ценза образования, воспитания, ума и способности — словом, общего меритократического ценза. В главе «Об аристократии» книги «Философия неравенства», места из которой приведены выше, размышления Бердяева адресованы политическим деятелям 1918 г., когда эта книга была написана, поэтому внимание мыслителя снова и снова возвращается к нарождающейся идеологии Советской России, а проблема аристократии обретает новое звучание, поскольку низвержение аристократического принципа, уравнивание качеств «по минимуму» — задачи новой большевистской власти, по мнению Бердяева, не терпящей «старых» иерархий и цветения культуры.

В бердяевском определении экзотерической, глубинной аристократии особо привлекает внимание и даже вызывает интуитивную тревогу формулировка «высшая человеческая раса» — сочетание слов, близкое к построениям итальянских авторов теории элит, мыслителям макиавеллистской школы, впоследствии ставшим идеологической опорой итальянского фашизма. Неужели Бердяева можно причислить еще к одному лагерю, на этот раз фашистскому? Конечно, такое сближение неверно: и идеология, и тем более практика фашистских режимов были глубоко чужды Бердяеву, мифология крови вызывала у философа отторжение, уже в 20-х гг. он высказывал свою обеспокоенность итальянской тягой к «биологической силе», германской волей к власти: так, в статье «Столкновение рока и разума» (1938) он пишет, что «покоя не будет, пока не будет сокрушен фашизм», что фашизм терроризирует весь мир. В более ранней работе «Новое Средневековье» (1924) замечания Бердяева о фашизме значительно мягче, он называет фашизм «единственным творческим явлением в политической жизни современной Европы», однако в более поздних статьях, в 30-е гг., высказывается категорически против фашизма и национал-социализма. Отметим, что при рассмотрении аристократического учения Бердяева в условно политической оптике мы неизбежно найдем некоторое его сходство с элементами элитологических учений Платона, Конфуция, Макиавелли, Карлейля и даже Ницше — что, впрочем, не делает Бердяева конфуцианцем или ницшеанцем. Отметим, что выбор лучших для управления государством и отрицание ценности демократии — весьма общий сюжет политической философии — об этом писали И. А. Ильин, уже упомянутый Н. Н. Алексеев, Н. О. Лосский, Л. А. Тихомиров, П. А. Сорокин; даже А. С. Пушкин отмечал:

Во все времена были избранные, предводители; это восходит от Ноя и Авраама. Разумная воля единиц или меньшинства управляла человечеством <...> Роковым образом, при всех видах правления, люди подчинялись меньшинству или единицам, так что слово «демократия» в известном смысле, представляется мне бессодержательным и лишенным почвы (цит. по: [12, с. 46]).

Проблема поиска лучших всегда была актуальной и в философско-теоретическом дискурсе, и в практике политической жизни; опасным этот поиск становится в момент смены поиска с «лучших» на поиск и уничтожение «худших», в момент утверждения полной биологической или иной детермини-

рованности — тогда самопровозглашенные носители знания о предызбранности становятся палачами, что и обнаружили события 20–40-х гг. Для Бердяева же слишком многое было неясно, таинственно, сокрыто, вопросы «эзотерической аристократии» принципиально не входили в круг социально-политических проблем, находились «в ином плане» — только таким философским смирением и осторожностью Бердяеву удалось уберечься от фатальных идейно-политических ошибок в европейских трагедиях первой половины XX в.

В статье «О престиже власти» Бердяев указывает на архаичность иерархии «чинов, а не людей», по-прежнему господствующей в России. В этой статье Бердяев ясно обозначает свою приверженность идее меритократии, власти лучших; «высокие качества личности» здесь и далее он будет называть ключевой характеристикой истинной элиты. Равенство должно состоять в том, чтобы каждый человек имел возможность включиться в отбор наиболее ценного, лучшего, высшего. Неприемлемы кастовость и сословность — иными словами, жесткий социально детерминированный ценз «на вход». Однако необходим ценз «на выход» — на результат сформированных в человеке когнитивных навыков и компетенций — их должно быть возможно оценивать, ранжировать и отбирать лучшее. Термин, синонимичный «меритократии», — «естественная аристократия»; это понятие употреблял, например, Томас Джефферсон:

Среди людей существует некая природная аристократия. Почва, на которой она вырастает — это духовные достоинства и таланты... Эту естественную аристократию я считаю самым ценным даром природы для обучения ее тому, как занимать ответственное положение и управлять обществом (цит. по: [16, с. 98]).

«Естественные», или «природные», аристократы, по мысли Джефферсона, определяемы народом по своим добродетелям и талантам, достоинству и мудрости — и граждане обнаружат их достоинство на выборах, приведя к власти. Таким образом, в работах и письмах Джефферсона описана расхожая идея о меритократии — которая, впрочем, часто заменяется псевдоаристократией. Отметим, что критерии и процедура выявления «естественной аристократии» неясны, а заявления о необходимости приведения «лучших» к политической власти представляют собой лишь декларации. Другой Томас, на которого Бердяев неоднократно ссылается в своих работах — Карлейль, — также является апологетом аристократии и иерархии — так, в «Памфлетах последнего дня» он выражает надежду на обретение новой «аристократии дела» (а в работе «Прошлое и настоящее» — «аристократии таланта») вместо «мнимой и утасаживающей аристократии титула»; правда, новыми аристократами он называет английских промышленников — таким образом, чаяния Карлейля конкретны и лишены загадки и таинственности, в отличие от его читателя Бердяева — пользуясь бердяевскими категориями, можно сказать о карлейлевском внимании к вопросам эзотерической аристократии. Бердяев не выдвигал политических платформ и не предлагал политико-технологических рецептов селекции государственных управленцев, его размышления касались сущности аристократии в глубинном философском смысле, социальные же воплощения, неизбежно искажавшие идею аристократии, занимали мыслителя значительно меньше.

Во все периоды творчества Бердяев склонен переопределять расхожие термины — но не для придания им авторского звучания, а напротив — для возвращения к истинному смыслу, для снятия идеологических наслоений. Так, в статье «О буржуазности и социализме» философ приходит к тому, что противопоставление титульных категорий статьи искусственно, по сути социализм и есть предельная буржуазность, т. к. оба направления имеют целью благополучное земное устройство, они противны религиозному подъему, превозносят количество над качеством.

Буржуазность не зависит от принадлежности к классу, хотя целые классы в средней массе своей могут быть захвачены духом буржуазности. В сущности, всякая классовая психология — буржуазна, и буржуазность побеждается лишь тогда, когда человек возвышается над классовой психологией во имя высших ценностей, во имя правды. <...> В сфере религиозной сознательный социалистический пролетариат усвоил себе старый буржуазный атеизм и старую буржуазную материалистическую философию, в сфере моральной — старую буржуазную утилитарную мораль, в сфере жизни художественной он унаследовал буржуазную отчужденность от красоты, буржуазную нелюбовь к символизму и буржуазную любовь к реализму [5, с. 5–6].

Социалистический дух не имеет «противоядия против буржуазности», поскольку сам содержит в себе его яд. «Возникший в России большевистский «социалистический» мир производит впечатление отбросов мира «буржуазного», болезненных и смрадных испарений прошлого, истечения какой-то старой тьмы» [3, с. 7]. Бердяев оговаривается, что отнюдь не является противником социализма, напротив — по его мнению, нельзя не быть социалистом в вопросах социальных и экономических; однако тотальный социализм, ставший религией и культом, философу глубинно чужд. Самое отталкивающее для него, защитника духовных качеств и вершин культуры — то, что «социализм духовно нивелирует, приводит всех к среднему серому уровню, покупает некоторый подъем равнин дорогой ценой исчезновения всех вершин» [5, с. 7].

Содержанию этой статьи созвучна написанная в эмиграции работа «Христианство и классовая борьба», в частности глава V, где, рассматривая духовные типы буржуа, рабочего и аристократа, Бердяев обосновывает родство первых двух типов, их сущностное сходство и противоположность аристократическому типу. Бердяев вновь указывает на нетождественность исторической и духовной аристократии, отмечает, что социальная миссия экзотерической аристократии кончилась, «она не выдерживает процессов индустриализации и головокружительных успехов техники», будущее же принадлежит лишь духовной и умственной (эзотерической) аристократии. Мыслитель дает развернутую характеристику специфически аристократических свойств, черт «породы»: решительное отсутствие «специфически экономических добродетелей», высокий тип культуры, утонченность манер, неприятие чувства обиды (но частая роль обидчика), родовой грех гордости; ключевым является «априорность» аристократа, принятие им дара: «Аристократизм означает, что я что-то уже изначально имею, а не что мне что-то еще нужно. Аристократизм есть *a priori*, а не *a posteriori*» [9, с. 96–97]. Представляет интерес тезис Бердяева о возмож-

ности и даже желательности соединения аристократии и рабочего класса, что может привести к продуктивному синтезу в виде аристократического социализма. Соединение же исторической аристократии с буржуазией (а буржуа — это, по Бердяеву, недавний рабочий, собственным трудом и активностью добившийся успеха, вышедший из рабочего класса и теперь стыдящийся своего прошлого) приводит к быстрому «обуржуазиванию» аристократии, к разрушению антропологического типа аристократа. Буржуазность Бердяев также трактует в двух смыслах — социальном и духовном: социально буржуа живет экономическим интересом и стремлением к успеху-прибыли, духовные же последствия такой установки разрушительны для целостного духа человека:

Материализм, экономизм, исключительная поглощенность земными благами и обращенность к чувственному миру, отрицание всякой тайны в жизни человека и мира, отрицание мира духовного и потустороннего — все это порождения буржуазного духа. В душе закрывается бесконечность, все становится конечным, — это и значит, что души становятся буржуазными [9, с. 115].

Историческая аристократия должна была прийти к живой идее служения через общение с рабочими (и обделенными в широком смысле — людьми, трудящимися в поте лица и не имеющими досуга, роскоши духовного и материального избытка), но забыла о своей миссии, стала служить самой себе — поэтому выродилась. «Аристократическая власть, власть лучших и благороднейших, сильнейших по своим дарам, есть не право, а обязанность, не притязание, а служение» [7, с. 108–109]. Выродился и социализм, ставший полностью буржуазным в глубинном смысле — «идеал серого, фабричного земного рая, в котором не видно уже будет звездного неба, есть идеал насквозь буржуазный» [9, с. 117]. Духовная и умственная аристократия, вновь вводимая в этой работе, — это люди живого творчества, даров и талантов, приумноженных трудом; это условный «класс», наследующий лучшие черты исторической аристократии, но также склонный к основному аристократическому греху — гордыне и замкнутости, упоения своим даром-талантом и служению лишь самому себе.

Бердяев искренне недоумевает, почему происходящее в России 1917 г. провозглашается «торжеством социализма» — «может показаться, что Россия из абсолютной, династической монархии мгновенно превратилась в социалистическую республику» [1, с. 8]. Однако, как замечает философ, в народной душе не изменилось практически ничего — господствует та же старая психология, которой чужда социалистическая осмысленность и созидательность, в которой лишь высвободились своекорыстные инстинкты и энергия разрушения. «Подлинным социалистом» Бердяев называет Плеханова, т. к. он был озабочен развитием производительных сил и качественным повышением организованности и сознательности масс — и эти черты потерпели поражение в русской революции, стали не нужны. Истинный вопрос социализма, полагает Бердяев — это вопрос социальной организации создающего труда, вопрос социальной культуры, а не вопрос политики и борьбы за власть.

В контексте рассматриваемой проблемы соотношения аристократии и социализма интересно рассмотреть термин «рабочая аристократия», введенный Марксом и означающий простое выделение «избранных» и наиболее щедро

вознаграждаемых в среде рабочих. Такая профанация понятия «аристократия» характерна для политэкономических работ Маркса, Энгельса, Ленина (например, в работе «Крах II Интернационала»), на недостаток философской прозорливости которых указывал Бердяев. Пример трактовки аристократичности в сугубо экономическом смысле указывает на атрибут аристократии, наиболее явный и нестерпимый для сознания *parvenu*, как сказал бы Бердяев: аристократ обладает имуществом сверх обычного, и его имущество — даровое, дарованное (в случае родовой аристократии — наследуемое, в случае рабочей — назначенное «сверху»); объединяет эти два статуса идея избранности и превосходства. Еще одно преломление идеи аристократии в социализме Бердяев видит в претензии пролетариев на то, чтобы стать новым дворянством, новой аристократией, поскольку стремление к выделению иерархии неистребимо: «Всякий жизненный строй — иерархичен и имеет свою аристократию, не иерархична лишь куча мусора и лишь в ней не выделяются никакие аристократические качества» [7, с. 105].

Еще одно парадоксальное словосочетание, с которым можно ассоциировать мировоззрение Бердяева, — «христианский социализм». «Христианский социализм» как попытка связать элементы религиозной этики и идей социальной справедливости, сверхличного служения и некапиталистического пути развития по сей день остается в активной повестке общественно ориентированной христианской мысли. История христианского социализма начинается в первой половине XIX в., т. е. входит в повестку общественно-политической и религиозной мысли (в современном виде постановки проблемы) около полутора веков. Следуя распространенной «теории ветвей» (по одной из версий являющейся ересью), христианский социализм можно условно разделить на православный (среди представителей: С. Н. Булгаков (см., напр., сборник статей «Христианский социализм», историю «Союза христианской политики»), из современников — игумен Вениамин (Новик), Н. В. Сомин (см. концепцию «Православный социализм как русская идея») и др.), католический (у истоков католического социализма стояли Ф. Р. де Ламенне, Ф. Д. Морис, Ч. Кингсли; из современников — А. Гутерриш, Ч. А. Брузон и многие другие; отметим, что социалисты-католики часто не только теоретически развивают идеи христианского социализма, но и активно включаются в политическую деятельность своих стран, являются членами партий и правительств, таким образом осуществляя «социал-католическую ортопраксию») и протестантский (Мартин Лютер Кинг-младший, Кристоф Блумхардт, Герман Куттер и Леонгард Рагац — последний имел для Бердяева особое значение); развитие каждого из этих направлений — весьма объемный сюжет, далеко выходящий за рамки данного исследования, мы рассмотрим лишь некоторые значимые аспекты.

Важно уточнить термины: наименование «христианский социализм» неоднозначно, более точно позицию, свойственную и Н. А. Бердяеву, можно назвать «социальным христианством» — деятельным христианством, ставящим общественно значимые цели и неравнодушным к социальной («земной») проблематике. В этой связи показательна полемика Бердяева с С. Л. Франком, датированная 1939 г., когда для обоих мыслителей, уже долгое время живших в эмиграции, вопросы этатизма, фашизма, социализма входили в повседневную

повестку; это небольшая дискуссия, состоящая из статьи Франка «Проблема христианского социализма» [15] и бердяевского ответа на нее («Христианская совесть и социальный строй (ответ С. Л. Франку)» [8]). Линия идейного конфликта проходит по трактовке «социального вопроса» — считать ли его вопросом реализации братской христианской любви, а социализм — настроем действенной любви к ближним (Франк), или вопросом об элементарной справедливости и правде (Бердяев). «Человек так устроен, что для решения самого элементарного и прозаического вопроса ему нужно предаться иллюзиям и мечтам, создавать хилиастический миф», — полагает Бердяев, очевидно имея в виду и Франка. Бердяев также критикует расхожую формулировку «христианский социализм», считая ее дискредитированной, имеющей «плохие ассоциации» (вероятно, связывая «христианский социализм» прежде всего с «католическим социализмом»), и предлагает называть социально деятельное христианство «религиозным социализмом» или «религиозно обоснованным социализмом». В «Философии неравенства» Бердяев также выступает против именования активной христианской ортопраксии каким бы то ни было социализмом:

Сопоставление и сближение христианства и социализма мне всегда представлялось кощунственным. Сходство христианства и социализма утверждают лишь те, которые остаются на поверхности и не проникают в глубину. В глубине же раскрывается полная противоположность и несовместимость христианства и социализма, религии хлеба небесного и религии хлеба земного. Существует «христианский социализм», и он представляет очень невинное явление, во многом даже заслуживающее сочувствия. Я сам готов признать себя «христианским социалистом». Но «христианский социализм» по существу имеет слишком мало общего с социализмом, почти ничего. Он именуется так лишь по тактическим соображениям, он возник для борьбы против социализма, был реакцией католичества на социализм и проповедовал социальные реформы на христианской основе [7, с. 154–155].

Смещение религиозного чувства и социалистически-претенциозного строительства «новой жизни» приводит, по мнению Бердяева, к хилиазму в духе Иоанна Лейденского. Что же касается социализма «по Бердяеву» — он считает его закономерным и единственно возможным выводом из либерализма, из Декларации прав человека и прочих достижений «буржуазного развития», простой социальной организацией, которая должна решать элементарные земные вопросы, буквально проблему питания, и не посягать на высшее, не приводить к экзальтированному утопизму:

Социализм есть только условное и относительное указание на средства и методы, которыми в известную эпоху можно организовать питание человечества, решить проблему насущного хлеба так, чтобы был достигнут максимум свободы каждой личностью, чтобы до минимума было доведено порабощение и власть человека над человеком. <...> Это работа скромная и подчиненная, подчиненная высшим целям [5, с. 104–105].

Представление Бердяева о благом, «правильном» социализме в данном случае сходны с современной теорией и практикой социального государства

в некоторых европейских странах. Таким образом, заявленное в начале статьи противоречие аристократизма и социализма представляется возможным снять или смягчить, если развести аристократизм и социализм на разные уровни: социалистические тенденции наиболее уместны в вопросах экономики, хозяйственного устройства, аристократические же принципы — в расширенном и несословном понимании могут быть применены, во-первых, для философско-теоретического осмысления явлений культуры, а во-вторых — в прикладных вопросах формирования политических и управленческих элит. При такой, более инструментальной трактовке социализма аристократический принцип устройства власти представляется не только возможным, но и весьма органичным: элита, «лучшие» служат и уделяют «от избытка», возникающего вследствие развития производительных сил. В 1938 г. в статье «О современном национализме» Бердяев дает еще одну формулировку своего неосуществимого идеала общественного устройства — «персоналистический социализм»; это наиболее «правильный» социализм, признающий человека высшей ценностью, в противоположность национализму, считающему таковыми нацию и государство. Истинная сущность социализма, по Бердяеву — и есть персонализм, а когда режим изменяет этой обращенности к человеку, он вырождается в фашизм. Персоналистическое измерение философии Бердяева далеко выходит за рамки данной статьи; аристократическая концепция входит в него как неотъемлемое звено.

Для Бердяева-социалиста, как и для Бердяева-христианина, важным является вопрос преодоления сословности (в предельном виде — кастовости) — причем сословности не только как социально-экономического конструкта, но и как духовного принципа, препятствующего Духу «дышать, где <Он> хочет». Проблема одновременного требования сохранения иерархического, «космического» принципа (в противоположность хаотическому) и упразднения сословности не решается явно в работах философа; на наш взгляд, к неясности совмещения двух принципов приводит смешение реалистично-исторической и духовно-нормативистской оптик: Бердяев пишет о сути вещей в онтологической глубине чаще, чем о «злоте дня», даже в газетных статьях. Подобным образом мы полагаем возможным разрешить конфликт аристократии и социализма в мировоззрении философа: он отводит социализму подчиненную роль социально-экономической неизбежности, а аристократический принцип как властвование лучших должен обеспечить эту «благую неизбежность», послужить народу, помочь ему развить свои творческие (в материальном воплощении — производительные) силы и жить достойно. Утопия? Именно так Бердяев квалифицировал свою любовь к аристократии и веру в ее миссию. Однако до сих пор в России и мире жива мечта о господстве лучших на благо общества, и чем разрушительнее современные процессы восстания масс во имя мести, продолжающееся угнетение слабых и устойчивое господство худших — тем ярче виден свет этой мечты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. А. Самопознание. — М.: Книга, 1991.
2. Бердяев Н. А. В защиту социализма // Народноправство. — 1917. — № 3. — С. 8–10.
3. Бердяев Н. А. Духовные основы русской революции. Опыты 1917–1918 гг. — СПб.: Издательство РХГИ, 1998.
4. Бердяев Н. А. Мир «буржуазный» и мир «социалистический» // Народноправство. — 1917. — № 18–19. — С. 6–9.
5. Бердяев Н. А. Новое религиозное сознание и общественность. — СПб.: Издание М. В. Пирожкова, 1907.
6. Бердяев Н. А. О буржуазности и социализме. // Русская свобода. — 1917. — № 8. — С. 3–8.
7. Бердяев Н. А. Философия неравенства. — Берлин: Обелиск, 1923.
8. Бердяев Н. А. Христианская совесть и социальный строй. Ответ С. Л. Франку. // Путь. — 1939. — № 60. — С. 33–36.
9. Бердяев Н. А. Христианство и классовая борьба. — Париж: YMCA-Press, 1931.
10. Волошина (Сабашникова) М. В. Зеленая змея. — М.: Энигма, 1993.
11. Зайцев Б. К. Мои современники: Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. Собрание сочинений. Т. 6 (доп.). — М.: Русская книга, 1999.
12. Мережковский Д. С. А. С. Пушкин. Характеристика // Философские течения русской поэзии / сост. П. П. Перцов. — СПб.: Тип. М. Меркушева, 1896.
13. Осоргин М. А. Как мы торговали // Наше наследие. — 1989. — № 6. — С. 131–132.
14. Садовский Я. Д. Из дневника евразийства // Евразийский Временник. — 1925. — Кн. 4. — С. 378–405.
15. Франк С. Л. Проблема христианского социализма. // Путь. — 1939. — № 60. — С. 18–32.
16. Шелдон Г. Политическая философия Томаса Джефферсона. — М.: Республика, 1996.